

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Небо синее, бесконечно синее — на всю глубину космоса, солнце в зените, на горизонте облака, верхний слой которых кажется белым и пушистым, а нижний — сизым и плоским. Слева пшеничные поля, простроченные лесополосами, справа — бескрайняя степь, по ней, поднимая пыль, несется табун лошадей. Увидеть табун лошадей можно, наверное, только в донских степях, и то, скорее всего, это редкое явление, свидетелем которого стал Родион Фомин. И куда, спрашивается, он едет! Его место в Москве, там друзья, там настоящая служба, а в эти места он ехал в изгнание.

Справа степное разнотравье закончилось, уступив место колосящимся полям. Теперь и справа пшеница, и слева, но это не удивительно, ведь впе-

реди Родиона ждала станица Пшеничная. Должность, правда, не самая хлебная — участковый уполномоченный, но так он и не привык служить корысти ради. Потому и машина у него старая, хотя и престижной марки. «Икс-пятый» «БМВ» девяносто девятого года рождения, можно сказать, первенец модельной линейки. Германская сборка, не убиваемый движок, а главное, кондиционер не подводит, а жара в степи знатная, руку из окна высунешь — обожжет.

Дорога пошла под уклон, поля закончились, потянулись луга, с холма открылся вид на реку, вдоль которой в окружении пойменных лесов раскинулась станица Пшеничная. Церковь, пара-тройка двухэтажных зданий, саманные и кирпичные дома под шиферными крышами, утопающие в зелени садов.

У самого въезда в станицу косо стоял дорожный знак с указанием населенного пункта. Фомин не усмотрел в этом нарушении чьего-то злого умысла, просто земля под бетонной опорой просела, но машину он все-таки остановил. И только тогда задался вопросом: выходить или не выходить?

К новому месту службы Родион прибывал с опозданием, в районном центре он уже получил за это втык, но не отставку. А могли бы представить и к увольнению, за нарушение условий кон-

тракта. И это в довесок к тому, что не так давно его понизили в звании — за проступок, порочащий честь сотрудника внутренних дел. Он, конечно, сам виноват, дал волю своему гневу, распустил руки. И все из-за девушки, которую очень любил. История темная, с выходом в так называемые высшие круги общества. Сынок высокопоставленного папы Варшавин положил глаз на его Валерию, а получив отказ, подставил ее под статью Уголовного кодекса, Родиона подлость сынка вельможи взбесила, он не смог справиться с эмоциями, в итоге понижение и в должности, и в звании. Но Варшавину этого наказания показалось мало, он поставил вопрос об увольнении Фомина, вмешалось начальство, Родиона решили перевести от греха подальше на службу в дальние края. Друзья узнали, в какую колонию направили Леру, устроили перевод в Ростовскую область, но пока готовился приказ о переводе, обстоятельства резко изменились. Суд апелляционной инстанции пересмотрел дело и смягчил наказание, изменив реальный срок лишения свободы на условный.

Лера вернулась домой, но Родион остаться с ней не смог. Варшавин держал руку на пульсе событий, ему ничего не стоило вернуть Леру в заключение. Молодой он, всего тридцать два года, а уже полковник юстиции, видный представитель Следственного комитета, на хорошем счету у на-

чальства, любимый сын облеченного властью папочки. Условие мажор поставил простое, но категоричное: или Родион отправляется в ссылку, или его Лера снова предстает перед судом — по вновь открывшимся обстоятельствам. И ведь предстанет...

Родион вздохнул и все-таки вышел из машины, обошел знак. Земля под бетонным основанием действительно сползла в кювет, можно чуть приподнять столб, просунуть под фундамент камень. Исправить просто, нужно только желание. Или чувство должностной ответственности. Он ведь не просто участковый, а фактически начальник местной полиции, дорожный знак — его епархия.

Камень Фомин нашел, спустился в пересохший кювет, поднатужился, надавил на столб, в этот момент и послышался шум двигателя. Из станицы выезжал автомобиль, который он принял за багги. Руль, четыре колеса, рамный кузов, тент вместо крыши. А за рулем девушка. Родион еще не мог сказать, какие у нее глаза, нос, губы, но уже понял, что наездница более чем хороша собой. Нежный овал лица, густые длинные волосы темно-русого цвета, черные как смоль брови, под которыми огнем светился задорный взгляд черных глаз. Светло-зеленая футболка с принтом, темно-синие джинсы с искусственной рванинкой

на коленке, кроссовки. Никаких тебе платков, кофт и юбок, в которых щеголяли хрестоматийные казачки.

Родион держал столб практически у самого основания, ему бы взяться чуть повыше, тогда и силы хватит его выровнять. А так он всего лишь смог слегка пошатнуть столб. Подняться, выйти из кювета он, конечно, мог, но как тогда подложить камень под основание? Родион вплотную приблизился к столбу, ухватился за него сантиметров на десять выше прежнего места. Родион еще не прикладывал к столбу никаких усилий, а пот уже каплями катил со лба. Жара стояла неимоверная.

Девушка тем временем подъехала к нему, остановилась, покинула свою самоходную повозку.

— А что вы здесь делаете? — спросила она.

А ведь правда красивая — черные и жгучие, как в романсе, очи, взгляд из глубины души, изящный носик, чувственный рот и фигура, на которую хотелось смотреть и смотреть. Яркая, загорелая...

— Знак выравниваю.

Он снова надавил на столб и даже смог выровнять его, но вместе с этим лишился возможности подсунуть камень под опору. Черноглазая кивнула, глядя на Родиона, двумя руками взялась за столб, потянула на себя.

Ему хватило всего пару-другую секунд, чтобы подложить камень. Он выбрался из канавы, собираясь окончательно выровнять столб, но девушка не отпускала его. Не удерживала, не тянула, не отталкивала, просто стояла, взявшись за столб руками. И при этом смотрела на Родиона с девичьим любопытством и в смелом ожидании. Но его самого чувственные волны обходили стороной. Все мысли о Лере, да и девушка слишком уж юная для него, лет восемнадцать, не больше. А может, и семнадцать всего. Если не шестнадцать.

— Спасибо тебе! — вежливо-официальным тоном поблагодарил Фомин.

— Кому мне? — сощуриив один глаз, спросила девица.

— Я не знаю.

— Ну так узнай!.. — с грубостью разочарованной девушки усмехнулась она. И наконец-то отпустила столб. — Познакомься!

— Ну да, — кивнул он.

— Что ну да?.. Майя меня зовут.

— Спасибо тебе, Майя!

— Спасибо тебе, Мая!.. — передразнила девушка, без всякого стеснения меняя милость на гнев.

Родион взялся за столб, в два-три движения окончательно выровнял его и, достав из кармана платок, смахнул со лба пот.

— Чего к столбу прибодался? — спросила Майя.

Родион, похоже, попал к ней в немилость, но почему тогда она не уезжает? Села бы в свой багги... нет, в квадроцикл с крышей и скатертью дорога.

— Примета плохая, въезжать в город через кривой указатель.

— У нас не город.

— Но указатель-то кривой. Был, — улыбнулся Родион.

— Ну тогда въезжай!.. — усмехнулась Майя, усаживаясь за руль. — Если сможешь!

— Почему не смогу?

Майя сорвала свой агрегат с места и, набирая ход, громко крикнула:

— Да потому что ты не въезжающий! — И также громко засмеялась, довольная своей шуткой.

По асфальту она проехала метров двести, Родион уже сел в машину, когда квадроцикл свернул с главной дороги и помчался по пыльному проселку в объезд станицы.

Опорный пункт полиции находился, как и предполагалось, в центре населенного пункта. Вымощенная плиткой главная площадь, за цветочной клумбой здание «сельсовета», слева от управы двухэтажная школа, справа — клуб с колоннами,

дальше по улице — церковь, за ней магазин и только затем уже, за перекрестком — участковый пункт.

Обыкновенный кирпичный дом, разделенный на две части. В одной, большей половине, офис под российским триколором, в другой, судя по всему, складское или даже жилое помещение. Главный вход — с улицы, никаких преград, свернуть с тротуара, подняться на крыльцо и можно заходить. Если удастся открыть дверь. Родион войти не смог. Закрыт пункт полиции, причем без объявления причины.

В жилую часть здания можно было зайти с той же улицы, но через калитку, забор огораживал участок, прилегающий к дому. Участок сплошь засажен помидорами, даже место за воротами, где Родион мог бы поставить машину, и то распаханно-засеяно. И в этом огороде полел тяпкой пожилой грузный мужчина с рыжеватой сединой под широкополой шляпой. Лето, жара, солнце все еще высоко, а он как робот — тяп-тяп, и быстро так, сноровисто. Клетчатая рубашка с длинным рукавом, треники, заправленные в носки, калоши, от жары лицо красное, как томаты на кустах. А помидоры крупные, где-то уже спелые, где-то не очень, но все — хоть сейчас на выставку.

Мужчина не заметил подъехавшей машины, но стоило Родиону тронуть рукой калитку, сразу

же поднял голову, повернулся к нему, глянул, близоруко прищурившись.

— Капитан полиции Фомин, — представился Родион.

— Ну, наконец-то! — расплылся в улыбке мужчина.

Он, казалось, вот-вот сорвется с места и бросится к Родиону с распростертыми объятиями. Но нет, он вдруг вернулся к своему прежнему занятию.

Ему хватило всего нескольких взмахов, чтобы закончить рядок, всего пять-шесть секунд. И он снова переключился на Родиона. Отставил тяпку, с улыбкой на губах подошел к забору, открыл калитку.

— Майор полиции Маслюк!.. Считай, в отставке майор, — весело, но с грустью в глазах сказал он. — Сейчас сдам тебе дела и уйду в отставку.

— Эти, что ли, дела? — Родион настороженно кивнул на помидоры.

Вдруг это подсобное хозяйство на балансе действующего участкового, но под контролем районного начальства? Он-то с тяпкой, может, и управится, но не хотелось бы. Огород занимал пять-шесть соток, ему такое счастье и даром не нужно.

— А чем не дела? — хитро сощурился Маслюк. — Помидор смотри какой! Сказка!

Он даже нагнулся, чтобы сорвать плод с куста, но в самый последний момент передумал. Все правильно, и без того видно, какого качества томат.

— Медом пахнут! — разгибаясь, сказал майор.

— И потом, — кивнул Родион.

— Вот-вот... Земля у нас здесь знаешь какая! Помидорчики как огурчики!..

— Это хорошо.

— Это очень хорошо! Вам, городским, этого не понять! А ты чего стоишь, давай, заходи!

Маслюк распахнул калитку, по гравийной дорожке провел Родиона к беседке из винограда, в тени которой и находился вход на жилую половину. А виноград не дикий, как в Подмосковье, а самый что ни на есть окультуренный, правда, еще зеленый. Маслюк не преминул обратить на это внимание.

— Знаешь, сколько я вина с Изабеллы делаю? Целую бочку! — сказал он, выставив перед собой широко разведенные руки.

— Хорошо у вас тут.

— Сядешь, бывало, вино, шашлычок... — мечтательно закатил глаза Маслюк. И, опомнившись, с благодушной улыбкой глянул на Родиона: — Тебе, капитан, у нас понравится... Женатый?

— Не совсем, — вздохнул Родион.

Варшавин связал их с Лерой по рукам и ногам, но если бы вместе, в один узел, но нет, он здесь,

она в Москве. Они хотели расписаться, но не рискнули. Любой неосторожный шаг мог усугубить и без того незавидное положение девушки... Ну да ладно, главное, что Варшавин больше не склоняет Леру к сожителству. Пытался, обжегся, больше не настаивает. Но и Родиону ее не отдает. Ничего, время и лечит, и успокаивает. Лера держит осаду в Москве, а он будет вести себя ровно здесь, а там, через годик или даже раньше, Варшавин найдет себе новую забаву. У них, у патрициев нового времени, бурная жизнь, столько удовольствий им отпущено, а человеческий век такой короткий, все нужно успеть перепробовать.

— Ничего, женишься. Знаешь, какие у нас тут девки!

Маслюк не стал развивать пышную, но не наполненную содержанием мысль. Они прошли в дом и оказались в коридоре, который совмещал в себе и прихожую, и кухню. Дальше спальня, шкаф в ней лакированный, кровать с пружинным матрасом, письменный стол, стул. Стены свежесмытые, полы также недавно красили, но вид у комнаты все равно сиротливый. И гулкое эхо в ней, как бывает в помещении, лишенном души.

Судя по длинному ряду гвоздиков, набитых на стене, на ней раньше висел ковер, на полу, похоже, лежал палас, со стола все убрано, в шкафу только стопка белья и какие-то старые куртки,

плащи, которые и носить уже не прилично, а вот выбросить, видимо, жалко. Не так давно в окне стоял кондиционер, но его уже нет, проем под него наспех заделан фанерой. Даже занавески с окна сняты.

— Матрас хороший, кровать крепкая, — сказал Маслюк, похлопав по деревянной спинке кровати. — Я сам иногда, бывало, прилягу.

— Ну да, — усмехнулся Родион.

Хорошо Маслюк устроился, и комната отдыха у него здесь, и приусадебный участок, вино, шашлыки. А комнату он благоустроил, и ремонт сделал, и кондиционер поставил, но его время закончилось, и приемнику досталась только казенная мебель. Даже белье и то из каких-то армейских складов, потемневшее от беспощадных стирок. Впрочем, жаловаться Родион и не думал. Хорошо, Маслюк штукатурку с побелкой со стен не содрал, и на том спасибо.

— Буду осваиваться, — кивнул он. И, немного подумав, спросил: — Машину куда можно поставить?

— Машину? — цокнув языком, переспросил Маслюк. — А машину можно припарковать у ворот.

— Люди там ходят. И по ночам тоже. Поцарапают.

Машина у Родиона старая, а перекрашена она недавно, даже царапины еще не успели появиться. Но появятся. Полицейских в народе не все любят, а станица, судя по всему, не маленькая, в такой семье обязательно найдется урод, который захочет блеснуть своей глупостью, в лучшем случае колеса спустят, а в худшем, и угнать могут.

— А что люди? Народ у нас спокойный! А если вдруг, казачкам скажешь, они враз подлеца отыщут.

— Казачкам?

— А дружина, добровольные помощники, куда без них? Сам-то ты, конечно, не казак...

— Это плохо?

— Да нет... Плохо, если ты здесь временно, если душа не лежит. Люди все видят, их не обманешь, как ты к ним, так и они к тебе, такая вот у нас тут юриспруденция, — усмехнулся Маслюк.

— Ну что ж, людей обманывать не буду, — невесело сказал Родион.

Он не искал легких путей, за спинами товарищей не прятался, всегда старался находиться на острие событий, но его дело серьезных преступников ловить, бандитов и убийц. К своим тридцати четырем годам Родион кое-чего достиг по карьерной части, не так давно возглавил отделение по борьбе с организованными преступными формированиями общеуголовной направленности

в составе оперативно-разыскной части. В следующем году мог бы стать подполковником, но из-за какого-то убудка в погонах вернулся к капитанскому званию. Его место там, в Москве, на переднем крае борьбы с преступностью, но раз уж так вышло и он здесь оказался, то и в ссылке он должен служить с полной отдачей сил, да по-другому у него, пожалуй, и не получится.

— Вот и хорошо... А помидоры мои здесь пока пусть побудут, соберем урожай, а там посмотрим. Может, тебя здесь уже не будет.

Спорить Родион не стал. Плохо служить здесь он точно не станет, но, если вдруг труба позовет его обратно в Москву, он сорвется с места не задумываясь.

Глава 2

Родилась в марте, будешь Мартой, в мае — Майей, в июле — Юлей, в августе — Августой. Даже Октябрина имя есть. А если бы ее угораздило родиться в июне?

Майя уныло смотрела на отца. Неужели он смог бы назвать ее Июней?

— Ты, Семеныч, можешь говорить что угодно. А я скажу тебе так, мы уйдем, а наши дети останутся! В них продолжение нашего рода!

Отец положил свою тяжелую руку на плечо Игната Семеновича, тот поморщился. Отец муж-

чина видный, рослый, крепкий, плотный, кость у него тяжелая и силы в руках в избытке. Игнат Семенович, тот худой, неказистый. Выносливый как лошадь, жилистый, работает как вол, но нет в нем породы, сермяжной он сущности, мужицкой. Мама так говорила, и Майя легко с ней соглашалась.

И Семен, сын Игната, такой же пустой породы, ну может, и повыше своего отца, и в плечах чуть шире, но такой же неказистый. И ест в три горла, шашлыка полказанка слопал, целую курицу до костей обглодал, и все ему мало. Сидит, за обе щеки уплетает. Метаболизм у него такой, слона съесть может и даже ни на грамм не поправится. Но разве ж это достоинство? Майя смотрела на него с усмешкой, а ему все равно. Ну да, ему же не надо ее добиваться — драться, ершиться, себя показывать. Отец ему Майю даром отдает. Восемнадцать лет исполнилось, все, пора под венец. Тем более что жених знатный, у Гуляевых одно из самых крупных хозяйств в районе, одной только земли около полторы тысячи гектаров и пшеница у них высший сорт.

Только вот не хочет Майя выходить замуж за это золото на вес пшеницы. Ей настоящий мужчина нужен. Но таких на горизонте пока не видно. Славка Стенькин еще ничего так, и на внешность не урод, и характер у него есть. Не так давно сви-

дание назначил, ночью, у реки, отец на него Берту спустил, так Славка даже не побежал. Встал, руки выставил, зубы оскалил, страшные глаза сделал, Берта сама от него шарахнулась.

Берта как будто учуяла, что Майя думает о ней, залаяла где-то у ворот. Стол накрыт во дворе, в беседке — собаку слышно хорошо. Только никто не обращал на нее внимания. Егорку и Витьку спать уже уложили, Семену все равно, а остальные все пьяные, даже мама подвыпила и уже носом клюет.

Отцу смелый зять не нужен, ему богатого подавай. Деньги должны идти к деньгам. А отец человек небедный. Хозяйство у них, может, и поменьше, чем у Гуляевых, но своя тысяча гектаров отборной земли имеется. И пшеница не хуже. И масло из подсолнечника прибыль приносит. Дом большой, полная чаша, у Майи «айфон» предпоследней модели.

— Все тут нашим станет! — Отец раскинул руки, будто пытаясь обнять необъятное.

— Нашим! — кивнул Игнат Семенович. — Нашим, Гуляевским!

— Каким вашим? — вскинулся отец. — Ты на Семку своего погляди!

— А чем это тебе Семка мой не нравится? — расправил плечи Гуляев.

А сыну его все равно. Сидит себе, щеки набивает, пирог с малиной компотом запивает. Хоть бы водочки себе налил, но нельзя, мама не велит. А ведь двадцать лет уже парню. И в армию его служить не отдадут, тут и мама не велит, и папа.

— Да малахольный он у тебя какой-то! — ухмыльнулся отец.

Берта разошлась не на шутку, может, беда какая-то за воротами стряслась. Но на нее по-прежнему не обращали внимания.

— Да?

— Ты на Майю глянь! Настоящая русская красавица! Таких здесь не было и никогда не будет!

— Не было?! — вспыхнул Игнат Семенович. — Я не знаю, кого и где не было, а мы, Гуляевы, на этой земле всю дорогу стояли!

— Да! — пискнул сынок и с гордостью за себя глянул на Майю.

Девушка усмехнулась: а ведь прав отец, малахольный он какой-то. Ну хоть водку не жрет, и то хорошо.

— Прадед мой казаком был! Дед мой казаком был! Отец мой казаком был! — бил себя в грудь Гуляев-старший. — Я — чистокровный казак! Семен мой — чистокровный казак!.. А ты кто?

— Я кто? — Отец угрожающе поднялся со стула, повернулся к нему и вперил в него убий-

ственный взгляд. — Я тот, кто таких казаков в гробу видал!

Берта уже не просто лаяла, она надрывалась.

— Папа, ты не слышишь, Берта взбесилась! — крикнула Майя.

Она и сама могла бы глянуть, что там случилось, но кто-то же должен осадить отца. Он, когда пьяный, буйным становится, а мама, напротив, погружалась в состояние сонной мухи. Сидит, смотрит на отца и кивает, соглашаясь с ним. А ведь он запросто мог избить Гуляева. Майя, в принципе, не против, но репутация семьи для нее не пустой звук. Они ведь действительно не местные, мать с отцом еще до ее рождения в этих местах осели. Из Московской области в теплые края перебрались.

— Берта?!. — нахмурился, прислушиваясь, отец. — Берта!.. Мы что, кого-то ждем?

Мама отстраненно мотнула головой.

— Нора, давай за ружьем! — направляясь к воротам, потребовал отец.

Мама уже приняла свою норму, она плохо собиралась, но из-за стола поднялась и к дому направилась, набирая скорость, как будто просыпалась на ходу. Майя заметила, как Игнат Семенович глянул на нее. Мама-то женщина красивая, стройная, в свои сорок лет молодым фору даст,

а у него жена уже выглядит как старуха, и толстая она, расплывшаяся как квашня. Таисии Дмитриевны за столом нет, вроде как заболела, а может, просто не захотела приехать. Может, испугалась, что муж сравнит ее с будущей свахой и подаст на развод.

Берта рвала цепь, пытаясь дотянуться до человека или животного, нарушившего ее покой. Отец должен был взять ружье, открыть ворота и выйти в ночь, так он, в общем-то, и собирался поступить. Но сначала он открыл калитку в воротах, а вместо того чтобы использовать ружье, с которым супруга запаздывала, спустил Берту с цепи. Она с лаем вылетела со двора, перескочила через дорогу и скрылась в темноте поля. И вскоре стало тихо. Никто не пытался напасть на отца, на Майю, на гостей, и собака не подавала признаков жизни.

— Берта! Берта! — покричал отец, но было по-прежнему тихо. Он еще пару раз позвал собаку и повернул назад, на всякий случай закрыв калитку.

— Может, собачью свадьбу учуяла? — спросил Семен.

— Тебя бы туда! — Майя неприязненно глянула на него.

Вот кого бы следовало назвать Июнем, или просто Ньюней. Ни март ни апрель, ни рыба ни мясо.

— Да не слышал я свадьбы, — качнул головой отец.

— Вот я и говорю, — закивала Майя. — Не надо свадьбы!

— Ну почему же не надо? — в раздумье проговорил Гуляев-старший.

— Ты что-то сказал? — не то что бы зло, но резко глянул на него отец.

— Я не сказал, я спросил, — попятится от него Игнат Семенович. — Здесь, спрашиваю, наливают?

— А-а! Наливают!.. Еще как наливают! — подобрел отец и, обняв Гуляева за плечи, потащил к столу.

И Семен побрел за ними.

— Ты куда? — спросила Майя.

— А куда надо? — слегка оживился он.

— За Бертой пойдем.

— Куда?

— К реке. Там она где-то.

— Да кобеля она учуяла, — махнул рукой Семен.

— А если двуногого? С топором... Может, Славка Стенькин там? — Майя смотрела на Се-

мена с непроницаемо спокойным, а оттого, казалось, зловещим выражением лица.

— С топором?

— Боишься?

— Да нет.

— Тогда пошли!

Семен хоть и малахольный, но понял, что его проверяют на вшивость, и, взяв себя в руки, пошел за Майей.

Отец мог бы расчистить поле перед домом, выкорчевать и сжечь кусты, деревья, засеять чем-нибудь или оставить под пар, но делать он этого не хотел. Он сам объявил поле заповедной зоной, для него и для всех оно являлось своего рода парком, очищенным от мусора, от сухостоя. И погулять здесь можно, и на травке под кустом полежать, и даже водички из родника попить. Но гулять можно днем, а ночью здесь неуютно и даже немного страшно. Ветер шевелил кусты, деревья махали ветвями, как будто разбойники руками. Луна в небе полная, но почему-то она освещала только верхушки деревьев и кустарников, а земли под ногами не видно.

— Если страшно, можешь домой, к мамочке! — ехидно сказала Майя.

— Да нет, не страшно... А кто такой Славка?

Семен жил в райцентре, Пшеничная с Верхонской в настоящем не воевала, хлопцы стенка

на стенку не сходились — он мог и не знать Стенькина.

— Славка считает, что он мой жених!

— Думает?

— И говорит всем. Любому голову оторвет, кто ко мне прикоснется... Скажи, ты ко мне прикасался?

— Да нет. — Голос у Семена дрогнул.

— И не надо!

— Ну, пока не надо...

— Да ты не переживай, мне Славка не нравится. Мне другой нравится.

— Кто?

— А почему на себя не думаешь? — усмехнулась Майя.

— Я?!

— Коробка!.. Я даже не знаю, как его зовут.

— Кого?

— Мужчина. Молодой. Лет тридцать, может, чуть больше.

Майя и не собиралась влюбляться в незнакомца, которого встретила сегодня днем. Черно-волосый, смазливый... Почти как женщина смазливый, правильные черты лица, изящный нос. Но при этом женственным его не назовешь, уровень тестостерона в нем не просто зашкаливал, чернявый излучал мужскую силу, как солнце — радиацию. И сила притяжения в нем, как у крупного

небесного тела, Майя даже не помнила, как вышла из машины, как схватилась за столб. Потом, правда, опомнилась, заговорила с ним, а он даже не захотел знакомиться с ней. Может быть, он проездом в Пшеничной, зачем ему роман заводить? А может, он женщинами не интересуется. Это сейчас она строила версии спокойно, а днем в ней клокотала обида. А сколько нехороших слов на языке вертелось.

— Фильм есть такой, человек-муравей. А он — человек-мурашки... Мурашки у меня по коже... Или просто холодно? — спросила Майя.

— Ну не знаю.

— А если холодно мне?

— Да?

Семен шел впереди, он остановился, повернулся к Майе, снял с себя джинсовую куртку, набросил ей на плечи.

— Ты что, ухаживаешь за мной? — засмеялась девушка.

— Ну-у...

— В женихи набиваешься?.. Или ты думаешь, что все уже решено?

— Что решено? — Семен повернулся к девушке спиной и продолжил путь.

— А замуж за тебя! Я ведь и отказаться могу! — засмеялась Майя.

Не хотела она замуж за Семена и отказаться могла запросто. И на отца не посмотрит. А будут настаивать, соберется и рванет в Москву или еще куда-нибудь, пусть отец локти потом кусает.

— Ну, я и не настаиваю, — буркнул Семен.

— Что ты сказал? — весело возмутилась Майя.

— Нет, я, конечно, не против!

— Славка против!.. Будешь с ним драться из-за меня?

— Если надо, — нерешительно пробормотал Семен.

— А у него шашка есть! Настоящая, казачья!

— Тю-ю, у нас вся стена в таких шашках!..

— Значит, на шашках драться будете!

Похоже, Семен понимал, что Майя шутит. Одно дело, когда пацаны просто дерутся из-за нее, и совсем другое, когда убивают друг друга.

— Ну, на шашках так на шашках! — приободрился он и, не останавливаясь, стал разворачиваться к Майе спиной. И рукой вверх повел, будто шашку выхватывал из ножен. Но вдруг споткнулся и упал, высоко задрал ноги.

А под ногами у него Майя увидела собаку, лежащую поперек тропинки.

— Берта!

Она не ошиблась, на земле действительно лежала Берта. Причем мертвая и без головы. По-

хоже, голову отрубили. Возможно, шашкой. И сделать это мог Славка.

— Какая сволочь? — простила Майя, безумными глазами глядя на свою любимую собаку.

— Что это? — дрожащим от страха голосом спросил Семен.

— Славка сделал! — Девушка практически не сомневалась в своих словах.

— Он что, псих?

— Конченный!

Майя не могла поверить, что Славка взял и так просто отрубил Берте голову. Каким же ублюдком нужно быть, чтобы сделать такое? Но если он убил, то его нужно наказать.

— Законченный псих, — кивнул Семен.

— Шашка, говоришь, у тебя есть?

— У отца нужно спросить. — Семен настороженно глянул на девушку.

— Ну, спроси!

— И спрошу.

— И Славке башку... Нет, руку отруби! — потребовала Майя.

Возможно, Славка ни при чем и Берту зарубил кто-то другой. Но Семен хотя бы должен схватиться за топор — ради нее. А если нет, зачем он ей такой рохля нужен?

— И отрублю!

— Тихо!.. — Майе вдруг показалось что за кустами кто-то стоит, прячется от них. — Там кто-то есть!

— Где там? — разволновался Семен.

— За кустами... Может, Славка... Славка, ты? — крикнула Майя.

А в ответ тишина, только ветер листву шевелит.

— Да нет там никого! — Голос у Семен заметно дрожал.

— Страшно? — усмехнулась Майя.

— Шашки нет...

Семен вдруг взял ее за руку и повел к дому. Майя с презрением глянула на парня, но сопротивляться не стала. А вдруг там не Стенькин, а какой-то псих с шашкой? Что-то не хотелось ей лежать в поле с отрубленной головой.

Глава 3

Ночь южная, жаркая — спать пришлось с открытым окном. Под утро посвежело, но Родион не стал закрывать окно. И зря. В начале седьмого сталью зазвенела тяпка, причем над самым ухом. Чертов Маслюк! Лучше бы опорный пункт привел в порядок, в нем же ничего нет для нормальной работы, даже пальцы нечем откатать: чернила засохли, а в камере для временно задержанных у него ящики пустые под помидоры.

Полночи Родион не спал, все к новому месту привыкал, да еще жара уснуть не давала. Сейчас бы спать и спать, но за окном в огороде возня, да петух где-то неподалеку разорался, как будто режут его. Вскоре от сна осталось одно только приятное воспоминание. Родион поднялся, влез в джинсы, взял полотенце и с голым торсом вышел во двор. Сортир в конце огорода, умывальник чуть ближе, у летнего душа. Вода там есть — и умыться можно, и даже облиться остывшей за ночь водой. А потом и помидорчиком неплохо бы закусить.

Но в огороде хозяйничала женщина — крупная, дородная, не такая старая, как Маслюк, но все равно немолодая. Соломенная шляпа с розочками, балахон с оборками и воланами, леггинсы на широкоформатную задницу, калоши не абы какие, а с рисунком. Женщина уже отложила тяпку и сейчас укрепляла колышки, к которым крепились для устойчивости кусты.

Увидев Родиона, она разогнулась, улыбнулась, взглядом оценила его подкачанный торс. И улыбнулась еще шире.

— Здравствуйте, Родион Олегович! А я Тамара Ильинична. Можно просто Тамара.

Родион поздоровался, но спрашивать, кто такая она, эта просто Тамара, не стал: ясно же, что Маслюка жена. Не дочка же.

— А вам, я смотрю, не спится!

— Заметили? — усмехнулся Родион.

— У нас тут днем хорошо спать. Когда жара. А утром жары нет, утром работать нужно.

— Хорошая идея.

— Вы давайте, умывайтесь, Туманов может подъехать!

— Кто такой Туманов?

— А у него сегодня собаку зарубили. Шашкой! Голову как бритвой снесли!

— И вы уже в курсе?

— Не переживайте, скоро мы и вас к нашему бабскому радио подключим, — засмеялась Тамара Ильинична.

— И кто у вас тут шашка как бритва?

— А вот этого я пока не знаю. К этому радио мы не подключены.

— Будем подключаться, — улыбнулся Родион.

Собачья смерть — не высшей степени криминал, но хоть какое-то занятие. Это уж куда лучше, чем папки с бумагами в кабинете перебирать, с места на место перекладывать.

— Славка Стенькин мог. Он к дочке Туманова все сватается, а он ему от ворот пошел к черту... И шашка у Славки есть!

— А где он живет?

— Вот и я говорю, сходить к нему надо, а то Иван мой Федорович уже все, в отставке... Да, я

вам тут водички колодезной принесла! — зашлась в восторге женщина. — Вкусная!

Родион даже подумал, что речь зашла о живой воде, в комплект к которой хорошо бы приложить молодильных помидорчиков. Но нет, дарами со своих грядок Тамара Ильинична его не пожаловала, а вода оказалась самой обыкновенной, ничуть не лучше той, которой Родион умылся.

На кухоньке в жилой части опорного пункта можно было приготовить яичницу, и плитка электрическая для этого имелаась, и сковорода, а вот от холодильника осталось только пустое место. Яйца Родион купил еще вчера, за ночь они могли подпортиться, не желая рисковать, он сварил их вкрутую. Позавтракал, выпил чаю и заглянул в шкаф, где у него висела наглаженная с вечера форма. Вздохнул, глянув на капитанские звездочки, закрыл створки и надел обычное поло. Оружие он еще не получил, поэтому вопрос, куда крепить кобуру, перед ним не стоял.

Славка Стенькин жил неподалеку, в небольшом кирпичном доме с голубой дверью и синими ставнями. На лай дворняги вышла пышных форм, но не толстая женщина лет тридцати с небольшим, знойная, ядреная, загорелая, глаза горят, чего-то ждут. Родион узнал продавщицу из магазина, с которой познакомился вчера вечером. Вынужденно познакомился. Зина выложила вчера

перед ним весь товар, включая свой бюст пятого размера, и все в глаза смотрела, пытаясь влезть в самую душу.

— А-а, товарищ капитан!.. — оправляя футболку на пышной груди, весело и с лукавым прищуром улыбнулась она.

— Ваш новый участковый, — кивнул Родион, сохраняя на лице полную невозмутимость.

Бабенка незамужняя, озабоченная, легкая неадекватность в ее поведении — результат личной неустроенности, он должен относиться к ней с пониманием. Не осуждать, не кривиться, нос не воротить.

— А я знала, что вы меня найдете!

— А гражданин Стенькин Вячеслав кем вам приходится? — спросил Родион, пытаясь официальным тоном не давать надежду ее ожиданиям.

— Да не бойтесь, не муж! — Зина открывала калитку, как будто душу перед ним распахивала, а пальцами свободной руки теребила футболку на груди, сожалея о том, что не надела кофточку с широким декольте.

— Брат мой младший...

Зина затолкала пса в будку, и Родион прошел во двор.

— И где он сейчас?

— Спит. Гулял вчера допоздна. — Зина вздохнула, шелкнув себя пальцами по горлу. И вдруг